

Кэпу, Чарли и Изабель

Часть I

ПЕПЕЛ

1

Я опускаю глаза и вижу, как на мои изношенные туфли тонким слоем ложится пепел. Вот тут стояла кровать, которую делили мы с Прим. Там, напротив, — кухонный стол. Ориентиром мне служит груда черных от сажи кирпичей, в которую превратилась печка. Как бы иначе я разобралась в этом море серости?

От Двенадцатого дистрикта не осталось почти ничего. Месяц назад капитолийские зажигательные бомбы спалили дотла бедные домишки шахтеров в Шлаке, лавки и магазины в центре и даже Дом правосудия. Огня избежала только Деревня победителей. Не знаю почему. Возможно, чтобы тем, кто приедет сюда по делам из Капитолия, было, где остановиться. Репортерам, комиссии по оценке угольных шахт, бригаде миротворцев в поисках возвращающихся беженцев.

Пока приехала лишь я. Ненадолго. Власти Тринадцатого дистрикта не одобряли мою поездку — мол, дорогостоящая и бессмысленная

.....

авантюра. Ради моей защиты им пришлось поднять по меньшей мере двенадцать планолетов, которые незримо кружат где-то вверху. Никаких полезных сведений поездки не даст. Но я должна была увидеть все сама. Даже поставила это условием нашего сотрудничества.

В конце концов Плутарх Хевенсби, главный распорядитель Голодных игр и предводитель мятежников в Капитолии, сдался:

— Пусть едет. Лучше потерять день, чем еще месяц. Возможно, так она скорее убедится, что мы на одной стороне.

На одной стороне... Левый висок пронзает боль, я прижимаю к нему ладонь. Сюда ударила меня катушкой проволоки Джоанна Мэйсон. Воспоминания вихрем проносятся в голове, пока я пытаюсь сообразить, где истина, а где ложь. Какая череда событий привела к тому, что я стою теперь посреди развалин своего города? Мысли путаются — сказывается сотрясение мозга после того удара. Из-за лекарств, которыми меня пичкают от физической и душевной боли, я порою вижу то, чего нет. Хотя точно не знаю. Я до сих пор не вполне уверена, что, когда однажды пол моей больничной палаты превратился в ковер из кишашщих змей, это и впрямь было галлюцинацией.

Я использую способ, подсказанный одним из врачей: начинаю с простейшего — того, что знаю наверняка, — затем перехожу к более сложному.

Меня зовут Китнисс Эвердин. Мне семнадцать лет. Моя родина — Двенадцатый дистрикт. Я участвовала в Голодных играх. Сбежала. Капитолий меня ненавидит. Пита схватили. Его считают

погибшим. Скорее всего, он убит. Возможно, лучше, если убит...

— Китнисс? Мне спуститься? — слышится в наушниках, которые мне навязали повстанцы. Мой друг Гейл вверху, на планолете. Внимательно наблюдает за мной и в случае чего мигом спустится.

Я осознаю, что сижу на корточках, обхватив голову руками. Должно быть, со стороны кажется, будто я на грани нервного срыва. Так дело не пойдет. Меня только-только понемногу начали отучать от лекарств.

Выпрямляюсь.

— Нет, все в порядке.

В подтверждение отхожу от моего прежнего дома и бреду в центр. Гейл хотел высадиться вместе со мной, но не настаивал, когда я отказалась. Понимает: любая компания мне сегодня в тягость. Даже его. Есть дороги, которые нужно пройти в одиночку.

Лето выдалось сухим и знойным. Редкие дожди не смыли кучи золы. Она вспархивает от моих шагов и тут же оседает. Ветра нет. Я внимательно смотрю под ноги. Здесь раньше была дорога. Высадившись на Луговине, я споткнулась о камень. Только оказалось, что это не камень, а человеческий череп. Он откатился, зияющие глазницы уставились в небо. Я долго не могла отвести взгляд от зубов, гадая, кому они принадлежали, и представляя, как выглядели бы мои.

По привычке стараюсь придерживаться дороги, но она усеяна останками людей, пытав-

.....

шихся спастись бегством. Некоторые сгорели полностью, другие, избежав огня, задохнулись от дыма. На полуразложившихся трупах кишат мухи. Вас всех убила я. И тебя. И тебя. И тебя...

Потому что так и есть. Моя стрела, разрушившая силовое поле, вызвала огненный шквал возмездия и повергла в хаос весь Панем.

В голове звучат слова президента Сноу, сказанные мне перед туром победителей: «Вы, Огненная Китнисс, бросили искру, способную разгореться в адское пламя, которое уничтожит Панем». Он не преувеличивал. Возможно, он искренне пытался заручиться моей поддержкой, хотя от меня уже ничего не зависело.

Пожар все еще продолжается, машинально отмечаю я. Угольные шахты вдали изрыгают клубы черного дыма. Впрочем, кому какое дело? Почти все жители дистрикта погибли. Оставшиеся восемь процентов укрылись в Тринадцатом дистрикте — бесприютные беженцы, навсегда лишившиеся родины.

Конечно, так думать не следует. Я должна быть благодарна за то, что нас приняли. Больных, израненных, голодных, нищих. Однако мне не дает покоя мысль, что, если бы не мятежники Тринадцатого дистрикта, Двенадцатый был бы цел. Это не снимает вины с меня — ее хватит на всех. Но что бы я смогла без них?

Жители Двенадцатого дистрикта вообще ни в чем не виноваты, им просто не повезло, что у них есть я. И все же некоторые выжившие рады, что вырвались оттуда. Прочь от голода и гнета, гибельных шахт, от плети начальника миротвор-

цев Ромулуса Треда. Крыша над головой — уже счастье, ведь до недавнего времени мы и не подозревали о существовании Тринадцатого дистрикта.

Все, кто выжил, целиком обязаны своим спасением Гейлу, хотя сам он этого не признает. Как только Квартальная бойня была сорвана — когда меня вытащили с арены, — в Двенадцатом дистрикте отключили электричество, экраны телевизоров погасли, и в Шлаке настала такая тишина, что люди слышали биение чужих сердец. Никто и не думал ни протестовать, ни ликовать по поводу случившегося на арене, но уже четверть часа спустя небо заполнилось планолетами и градом посыпались бомбы.

Гейл вспомнил про Луговину — одно из немногих мест, свободных от старых деревянных построек, пропитанных угольной пылью. Он направил туда всех, кого смог собрать, включая мою маму и Прим. Люди снесли проволочное ограждение, теперь обесточенное и безопасное, и Гейл увел их в лес, к озеру, которое отец показывал мне в детстве. Они стояли там и смотрели издали, как пламя пожирает весь их мир.

К рассвету бомбардировщики улетели, языки пламени опали, и к озеру подтянулись последние из спасшихся. Мама и Прим развернули пункт первой помощи, лечили раненых целебными травами из леса. У Гейла было два лука со стрелами, охотничий нож, рыболовная сеть и восемь с лишним сотен напуганных и голодных людей. Гейлу помогали все, кто был в состоянии охотиться. Удалось продержаться три дня. А по-

.....

том неожиданно прилетел планолет из Тринадцатого дистрикта. На новом месте уцелевших разместили в чистых квартирах с белыми стенами, снабдили новой одеждой и кормили три раза в день. К сожалению, жилье подземное, одежда совершенно одинаковая, а еда довольно безвкусная, но для беженцев из Двенадцатого это мелочи. Главное — они живы, они в безопасности, их не бросили на произвол судьбы, а приняли с распростертыми объятиями.

Вначале я никак не могла понять, с чего это нам так радуются, но один человек по имени Далтон открыл мне глаза.

— Вы им нужны. Я им нужен. Мы все. Некоторое время назад у них тут была какая-то эпидемия вроде оспы. Многие умерли, остальные стали бесплодными. Племенной скот — вот кто мы для них.

Несколько лет назад Далтон сбежал из Десятого дистрикта и пешком пришел в Тринадцатый. У себя в Десятом он работал на скотоводческой ферме. Занимался сохранением генетического разнообразия стада при помощи замороженных коровьих эмбрионов. Похоже, он знает, о чем говорит, — детей в Тринадцатом и вправду почти не видно. Ну и что с того? Нас не держат в загоне, дают возможность получить профессию, дети ходят в школу. Подростки старше четырнадцати получили низший армейский чин, их теперь почтительно называют солдатами. Каждому беженцу власти автоматически предоставили гражданство.

Все равно ненавижу их. Хотя теперь я почти всех ненавижу. Больше всего себя.

Дорога под ногами стала тверже, под ковром пепла чувствуется булыжная мостовая. Я на площади. Ее границами служат невысокие насыпи из золы и мусора, в которые превратились магазины. Груда черных обломков на месте Дома правосудия. Иду туда, где стояла пекарня родителей Пита. Я узнаю ее только по оплавленной печи. Родители Пита и оба старших брата погибли в огне. Из тех, кто в Двенадцатом дистрикте считался зажиточными, спаслось не больше десятка. Питу не к кому больше возвращаться. Кроме меня...

Отступив на несколько шагов, я спотыкаюсь и падаю на кусок раскаленного от солнца металла. Что это? Тут я вспоминаю недавние нововведения Треда. Колодки, позорный столб и виселица, на обломках которой я теперь сижу. Черт. Вот угораздило. Перед глазами проносятся картины, мучающие меня и днем и ночью. Пит под пытками — его топят в воде, жгут железом, режут, бьют током, калечат, пытаюсь вытащить из него то, о чем он не имеет понятия. Я изо всех сил зажмуриваюсь и пытаюсь дотянуться до него через многие сотни миль, передать ему мои мысли, сказать, что он не один. Но он один. Я ничем не могу ему помочь.

Бежать. Скорее прочь с этого места! Туда, где нет углей и пепла. Я пробегаю мимо того, что было домом мэра, где жила моя подруга Мадж. Ни о ней, ни об ее родственниках ничего не известно. Эвакуировали их в Капитолий благодаря положению отца или оставили огню? Из-под ног поднимаются тучи пепла, я закрываю рот краем

.....

рубашки. Мне не хватает воздуха — не столько от того, что я вдыхаю, сколько от сознания, кого я вдыхаю.

Вот и Деревня победителей. Трава здесь тоже выгорела, и земля усыпана серыми хлопьями, но двенадцать домов стоят целы и невредимы. Я бегаю в тот, где жила в прошлом году, захопываю дверь и прислоняюсь к ней. Все осталось на своих местах. Чистота и порядок. Тихо до жути. Зачем я вернулась в Двенадцатый? Неужели думала найти здесь какие-то ответы? Ответы на вопросы, от которых не скрыться.

— Что мне делать? — шепотом спрашиваю я у стен. Я правда не знаю.

Приходят люди, разговаривают со мной. Все говорят и говорят. Плутарх Хевенсби. Фульвия Кардью, его деловитая помощница. Всяческие чиновники. Военные. Только Альма Койн, президент Тринадцатого, помалкивает. Наблюдает со стороны. Ей пятьдесят или около того. У нее потрясающие волосы, ни одной выбившейся пряди, даже ни одного секущегося кончика. Идеальные. Глаза — серые, но не как у выходцев из Шлака. Бледно-бледно-серые, такие светлые, будто все живые краски из них выкачали. То, что осталось, напоминает цветом грязный подтаявший снег в конце зимы.

Им нужно, чтобы я взяла на себя роль, которую они для меня придумали. Стала символом революции. Сойкой-пересмешницей. Бросить вызов Капитолию, вдохновить повстанцев — недостаточно. Теперь я должна стать настоящим лидером — лицом, голосом и плотью революции.

Указать путь к победе. Я буду не одна. У них тут целая команда. Позаботятся о макияже, подберут одежду, напишут речи, организуют выступления — звучит до жути знакомо, не так ли? Мне останется только сыграть роль. Иногда я их слушаю, иногда только притворяюсь внимательной и разглядываю безупречно уложенные волосы Койн — может, это парик? В конце концов у меня начинает болеть голова, или сосать в желудке, или я чувствую, что начну биться в истерике, если сию же минуту не выберусь на поверхность. Не говоря ни слова, встаю и выхожу.

Вчера, перед тем как за мной закрылась дверь, я услышала слова Койн:

— Говорила же, в первую очередь надо спасти парня.

Это она о Пите. Я с нею согласна. Из Пита получился бы замечательный лидер.

А кого они вытащили вместо него? Меня, не желающую иметь с ними никаких дел. Еще Бити, изобретателя из Третьего. Бити я почти не вижу — едва он смог садиться на постели, его подключили к разработке оружия. Прямо на кровати отвезли в какой-то секретный отдел, и теперь он только иногда показывается в столовой. Он очень умный и рад внести свой вклад в борьбу, но повести за собой не сможет. Потом — Финник Одэйр, секс-символ рыбацкого дистрикта. Это он не дал умереть Питу на арене, когда я ничем не могла ему помочь. Из Финника тоже хотят сделать вождя повстанцев, только сперва нужно добиться, чтобы он не отключался